

3) Общая направленность кинестетических действий раскрывает самый разнообразный спектр прикосновений как в русском языке (*целовать, обнимать, хватать, брать (взять), прижать, пожать (руку)*), так и в английском (*put on, kiss, held, strike, pat, take, struggle*), а их использование варьируется степенью синонимичности. Особенно явно такая характеристика выражена у представителей англо-американской лингвокультуры (*to squeeze oneself up closer to one's side, to lay close, cling, be in one's arm; to clasp, to be shoulder to shoulder, to pass one's hand about, to be coming out of a big clinch, to held* и др.). Следовательно, использование кинестетических действий обусловлено динамикой интерактивного диалогического общения.

Полученные данные показывают, что, включаясь в контекст общих действий, в целом кинестетические регулятивы сопровождают отдельные речевые акты с различной иллокутивно-интенциональной направленностью. Отметим также, что отдельные группы кинестем изначально заложены в процессе общения не только как сопровождающие различные ситуации общения, но и как их маркеры.

Таким образом, обобщив сказанное выше, отметим, что регулятивный характер кинестетических действий раскрывается лишь при комплексном осмыслении процесса коммуникативного обмена, которое дает возможность выявить некоторые особенности взаимоотношений языка (как вербального компонента общения) и тактильного поведения (как невербального компонента общения) в рамках прагматического контекста диалогического общения. Язык и неязыковые (в частности, кинестетические) явления как средства общения выступают основой коммуникации во всех ее разнообразных проявлениях. В свою очередь, в регулятивной характеристике кинестем воплощается их функциональная специфика, которая и определяет содержание кинестетического общения, интенции и иллокутивных возможностей партнеров по диалогическому общению в системе вербальной коммуникации.

Литература

1. Романов А.А. Системный анализ регулятивных средств диалогического общения. М. : Ин-т языкознания АН СССР, 1988. 183 с.
2. Романов А.А. Языковой портрет политика в суггестивной парадигме // *Ars Linguistica*. К 75-летию проф. И.П. Сусова. М. – Тверь : ИЯ РАН : ТвГУ, ТГСХА, 2002. С. 23 – 30.

3. Романов А.А. Регулятив как комплексная единица диалогического общения // *Лингвистическая мозаика*. Избранное / А.А. Романов. М. : ИЯ РАН, 2006. С. 188 – 192.

4. Малышева А.В. Зеркало смерти / А.В. Малышева. М. : Центрполиграф, 2003. 414 с.

Regulating character of kinaesthetic actions in the verbal communication system

There is given the regulating characteristic of kinaesthetic actions in the process of a dialogue that determines the content of kinaesthetic communication, intention and illocutionary partners' opportunities on conditions that they are included into the verbal system of communication.

Key words: *communication, kinaesthetic actions, kinaesthetic, illocution, intentionality, regularity, touch.*

Т.А. КУДИНОВА
(Ростов-на-Дону)

ОНТОЛОГИЯ И ФУНКЦИОНИРОВАНИЕ ЖАРГОНА

Представлена концепция игровой природы жаргона как основа бытия данного языкового явления; отмечается, что популярность использования жаргонизмов обеспечивается рядом социальных и языковых функций.

Ключевые слова: *жаргон, общий жаргон, языковая игра, криптолалия, субстандарт.*

Существенные изменения в общественной жизни на рубеже XX – XXI вв. значительно повлияли на современную речь. С одной стороны, словарный запас в связи с техническим прогрессом и научными открытиями пополнился английскими заимствованиями, с другой – активизировался жаргон, причём вопреки традиционным языковым и культурным нормам элементы криминальной субкультуры легализованы не только в разговорном литературном языке, но и в официальной письменной практике. Чтобы разобраться в происходящих языковых процессах (в данном случае –

в экспансии жаргонизмов), необходимо систематизировать накопленные знания о природной сути жаргона. В данной статье предпринимается попытка описать особенности функционирования жаргонизмов как универсалий живой речи.

Исходя из существующей концепции, что на каждом историческом этапе человеческое общество задаёт направление языковому развитию, полагаем, что и каждая социальная, профессиональная, возрастная группа людей в той или иной сфере развивает возможности выражения нового содержания в соответствии с временным контекстом действительности. Иными словами, если жаргон рассматривается как подсистема языка, удовлетворяющая целям общения в той или иной сфере, то, естественно, можно говорить о процессе совершенствования его различных субъязыков. И дело здесь не в количественном росте по отношению к литературной норме, а в изменении его статуса и функций.

Во многих трудах, посвященных исследованию жаргона, в качестве доминирующего признака этого языкового образования указывается его связь с игрой: жаргон (сленг) формируется прежде всего благодаря извечной человеческой потребности в языковой игре. Отчасти это связано с распространенной игровой концепцией культуры, согласно которой большинство явлений культуры имеют игровую структуру. Такая культурологическая концепция ведет начало от «игрового космоса» Платона и «состояния игры» Канта. Как пишет В. С. Елистратов, в моду игровая концепция вошла после работ Й. Хейзинги. «Идея игры увлекательна и заразительна, с ее помощью можно интерпретировать все – от Баркова до Рабиндраната Тагора, но она позволяет видеть явления на определенной глубине (пусть и недостаточно большой), но большая глубина ей недоступна» [4, с. 598].

Согласно суждению Й. Хейзинги [9, с. 61 – 62, 92], игра является глубинным основополагающим свойством психической и социальной деятельности человека. Игра есть некое поведение, осуществляемое в определенных границах места, времени, смысла, зримо упорядоченное, протекающее согласно добровольно принятым правилам и вне сферы материальной пользы или необходимости. Такое поведение сопровождается ощущением напряжения и подъема и приносит с собой одновременно снятие напряжения.

Жаргон, особенно молодежный, справедливо считают проявлением языковой игры

в наиболее чистом виде, поскольку главным условием квалификации некоего феномена в качестве языковой игры является отсутствие практической целеустановки: игра самоценна и заключает свой смысл в самой себе. Для формирования и реализации жаргона значимо то, что М.М. Бахтин определил как карнавальное мироощущение [1, с. 84 – 85]. Карнавализация приводит к установлению образований особого типа, в основе которых лежит отступление от норм, в том числе и языковых. Такая модель поведения хорошо описана историками, социологами и этнографами. Для участников карнавального действия открывается возможность соединять абсолютно несоединяемое в обыденной жизни, строить язык на «опрокинутых» стандартах. Как свидетельствуют психологи, потребность человека в «карнавальном клапане» исключительно велика [10, с. 383]. Благодаря работам М.М. Бахтина понятие карнализации стало типологическим, применяемым к разным явлениям жизни, литературы, языка. Прежде всего, оно тесно связано с понятием языковой игры – тем «мировым слоем, в котором происходят самые напряженные экзистенциальные процессы жизни и в котором осмысляются и борются между собой ценности разного порядка» [1, с. 10 – 11]. Карнавальное начало смеха все более отчетливо проявляется в современном игровом пространстве языка, где языковая игра может быть в том числе и социально обусловленной (ср. сублимацию неустроенности бытия большинством россиян в языковую игру, лингвистически оформленную по карнавальному смеховому варианту («Аншлаг», «Смехопанорама», «Кривое зеркало»)).

Давно замечено, что многие жаргонные наименования выступают в качестве средства иронии. В Древней Греции «сократовская ирония», как понимал ее Платон, переосмыслила обыденную иронию-насмешку в ином направлении: ирония предстает здесь как глубоко жизненная позиция, отражающая сложность человеческой мысли, как позиция диалектическая, направленная на опровержение мнимого и ложного знания в установлении самой истины. Отсюда следует, что ирония является одним из инструментов когниции человеком окружающей действительности в процессе концептуализации и категоризации мира [3, с. 176]. Ср.: *Puritan* в XVII в. в Англии приобрело значение 'проститутка' (исходя из предпологаемого лицемерия пуритан). В Австралии лексическая единица *bower* (тенистая

роща) в XX в. стала использоваться в значении 'тюрьма'.

Главная суть языковой игры как особого вида речетворчества заключается в том, что в ее рамках язык выступает не только (и не столько) средством выражения некоторого внеязыкового содержания, но и целью речетворческого акта: язык игры лишается свойств принципиальной прозрачности (присущего языку тех речевых жанров, в которых главная цель заключается в передаче внеязыковой информации) и привлекает внимание к самому себе [7, с. 139]. Характерно, что, возникающая вследствие потребности в нетривиальном выражении, жаргонные единицы сами быстро становятся клише. К примеру, *я в шоке* вместо *'досадно, печально, неприятно, я огорчен'* и т.д., междометное *блин* и мн. др.

Второй (после связи с игрой) признак жаргона (как считается, более важный для одних его групп, таких как криминальная и отчасти молодежная, и менее важный для других) – связь с криптолалией. Жаргонные выражения используются в качестве пароля, по которому члены данной социальной подгруппы узнают себя. Считается, что исключительно как тайноречие функционирует криминальный, в частности воровской жаргон. Нельзя отрицать значимости криптолалии и для военного жаргона, потому что определенные слова и выражения нуждаются в кодировании, поскольку в некоторых условиях по каким-либо причинам нежелательно или невозможно использование обычного шифра (например, при радиотелефонных переговорах) [2, с. 340 – 341]. Кстати, образность внутренней формы в языке военных может иметь своим функциональным источником необходимость кодирования открытого речевого обмена, к примеру, широко применявшиеся в Афганистане в 1980-е гг. лексемы *нитка* 'колонна боевой техники', *сигара* 'ракета', *кефир* 'топливо для боевой техники'. Даже в молодежном жаргоне тайноречие играет определенную роль (ср.: *шнурки в стакане* 'родители дома').

Однако по поводу определяющей функции тайноречия в формировании и функционировании жаргонов уже давно высказаны обоснованные сомнения. В 1935 г. Д.С. Лихачев писал, что воровское арго ворами, по сути дела, с практической точки зрения, не нужно, оно их только выдает; воровской жаргон – это своего рода шик, излишество, игра, кураж, а вовсе не функциональная необходимость [6, с. 47 – 100]. Д. С. Лихачев решительно выступил против этого качества «тайности» арготи-

ческой речи. Вслед за французскими лингвистами (Ш. Балли, Ж. Вандриесом, П. Гиро и др.) он отмечал, что называть воровскую речь условной и тайной только потому, что она нам не понятна, так же наивно, как и называть иностранцев «немцами» потому только, что они говорят на непонятном языке. Так же наивно предположение, что вор может сохранять конспирацию, разговаривая на своем «блатном» языке. Воровская речь может только выдать вора, а не скрыть задуманное им мероприятие: на воровском языке принято обычно говорить между своими, т.е. по большей части в отсутствие посторонних. То, что тайноречие не может быть самым существенным признаком даже в криминальном жаргоне, В.И. Жельвис [5, с. 113] доказывает таким рассуждением: в настоящее время все «заинтересованные лица», например правоохранительные органы, прекрасно понимают любые жаргоны, тем не менее эти последние продолжают функционировать. С криптолалией тесно связана такая функция жаргона, как определение круга «своих» и дистанцирование от «чужих». Этническая психология рассматривает этнос как психологическую общность, члены которой находят в принадлежности к ней удовлетворение психических, физических, социальных потребностей, т.к. человеку необходимо ощущать себя частью «мы», своим среди своих.

Важный признак жаргона нередко видят в его «вторичном» характере, поскольку жаргонизмы – это заменители нейтральной или возвышенной лексики. К важным свойствам жаргона, детерминированным преимущественно устным характером его бытования, относится экономия языковых и мыслительных усилий. Для сленгового употребления характерна лаконичность, отсюда и многочисленные усечения типа *тин* вместо *тинэйджер*, *кик*, *кикс* вместо *кикбоксинг*, *софт* вместо *софтвер*. Аббревиация, позволяющая экономно и одновременно экспрессивно выразить понятия, а также различные усеченные наименования характерны для многих жаргонов. Так, в военно-морском жаргоне находим лексемы типа *старлей*, *каплей*, *плавсостав*, *комод* 'командир отделения', *мех* 'механик, командир электромеханической боевой части'. В студенческом жаргоне распространены лексические конденсаты с определенной деривацией преимущественно от основы прилагательного или существительного: *зачетка*, *курсовик*, *студик* 'студенческий билет', *госы* 'государственные экзамены', *невзра* 'невзрачный че-

ловек', *абитура, общага, стипуха (стипеша), маг, телек, депра* 'депрессия', *азер* 'азербайджанец' и под.

Жаргон выполняет и ряд социальных функций – прежде всего он отражает потребность людей объединяться по интересам. По мысли В.С. Елистратова [4], жаргон имеет две особенности – герметический комплекс (стремление обособиться) и кинический комплекс (принципиальную неофициальность). Жаргон – это язык улицы, язык неформального общения, которое находится вне всякого контроля с какой бы то ни было стороны. Функционируя в языке, жаргонная единица может вытеснить соответствующее стандартное обозначение, стать метафорой-катахрезой, единственным наименованием явления. В этом плане интересно утверждение Вл. Новикова («Роман с языком») о том, что за жаргонным словом *прикольню* стоит своего рода эстетика, поскольку *прикольню* – это не просто 'хорошо'; это наличие внешне эффектного приема и тайного послания определенной читательской группе («таргет-груп»). Примерами литературной «прикольности» могут служить произведения В. Пелевина или С. Минаева.

Справедливо считается, что многие даже чисто лингвистические особенности жаргона, особенно молодежного, невозможно объяснить, если не принимать во внимание преимущественно устный характер их функционирования, рассчитанный на непосредственное использование (перформанс) в определенных ситуативных контекстах, в обстановке особого ролевого взаимодействия и ярко выраженного игрового начала. Так, особая легкость семантического словообразования, ведущая к созданию «абсурдных» слов, связана с функционированием жаргона в рамках ограниченной социальной группы. Заметим, что указанная особенность все-таки характерна не для всех жаргонных групп.

Гипертрофированная синонимичность и избыточность определенных тематических групп, связанная с определенными сферами и исчисляемая сотнями единиц, и в то же время отсутствие специфических жаргонных соответствий для ряда отвлеченных понятий культурно-мировоззренческого плана определяют статус жаргонных образований именно как субстандарта. С.А. Мегентесов и С.В. Сидорков [8, с. 163] обратили внимание и на такую закономерность: чем шире репрезентирован тот или иной денотат синонимической лексикой сленга или просторечия, тем беднее его представленность в литературно-деловом

стиле. Синонимическая избыточность свойственна именно сниженным формам языковой практики, она является следствием преобладания установки на эмоциональную экспрессивность и выразительность самого речевого акта (а не на передаваемое сообщение).

Итак, в современных коммуникативных условиях возросла роль жаргонов, которые переместились из социально замкнутых сфер речи в общий язык. Жаргоны, с одной стороны, дифференцируются (ср. такие новые образования, как офисный жаргон, блогеровский язык и жаргон падонков), с другой стороны, идет унификация субстандарта – формирование сниженного типа речи, получившего название «общий жаргон». «Бесконфликтное» соединение языковых средств не просто разной, а противоположной стилиевой и функциональной принадлежности выступает как объективная норма современной языковой действительности. Мощным стимулом для вторжения субстандарта в общий язык стало то, что в числе прочих барьеров был снят барьер между живой разговорной речью и сферой публичного общения. Нашествие субстандарта в публичную сферу коррелирует с постоянным сокращением сферы распространения торжественного (высокого, пафосного) варианта русского языка. Жаргон и другие проявления субстандарта необходимы для поддержания гомеостаза языковой системы.

Литература

1. Бахтин М.М. Творчество Франсуа Рабле и народная культура Средневековья и Ренессанса. М.: Худож. лит., 1990. 543 с.
2. Волкова Н.А., Григорович Л.А. Проблемы описания военного жаргона (лексико-семантический аспект) // Массовая культура на рубеже XX – XXI веков. Человек и его дискурс: сб. науч. тр. М.: Азбуковник, 2003. С. 340 – 366.
3. Волошин Ю.К. Ирония в сленге // Личность в пространстве языка и культуры: юб. сборник. М.– Краснодар: Кубан. гос. ун-т, 2005. С. 173 – 179.
4. Елистратов В.С. Арго и культура // Словарь русского арго: материалы 1980 – 1990-х гг. М.: Рус. словари, 2000. С. 574 – 692.
5. Жельвис В.И. Поле брани: Сквернословие как социальная проблема в языках и культурах мира. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Науч.-изд. центр «Ладомир», 2001. 347 с.
6. Лихачев Д.С. Черты первобытного примитивизма воровской речи // Язык и мышление: сб. ст. М. – Л., 1935. Т. 3 – 4. С. 47 – 100.
7. Мегентесов С.А. Метаязык и метаязыковая функция языка // Прагматика лингвосемантических

интерпретаций в текстовых структурах. М. – Сочи – Краснодар, 2004. С. 132 – 146.

8. Мегентесов С.А., Сидорков С.В. Специфика словообразовательных моделей в молодежном сленге и в просторечии: установка на смеховой эффект // Филология как средоточие знаний о мире : сб. науч. тр. М. – Краснодар : Просвещение-Юг, 2008. С. 161 – 167.

9. Хейзинга Й. Homo ludens. В тени завтрашнего дня / пер. с нидерл. М. : Прогресс – Академия, 1992. 462 с.

10. Levis H.B. Shame in Depression and Hysterics // Emotions in Personality and Psychopathology. N. Y. – London : Plenum Press, 1979. P. 371 – 396.

Ontology and jargon functioning

There is given the concept of jargon's playing nature as the basis of the given language phenomenon existence; there is noted that the popularity of jargon's use is provided by a number of social and language functions.

Key words: *jargon, general jargon, language play, kriptolalija, substandard.*

И.П. ЛАПИНСКАЯ
(Воронеж)

СТИЛЬ И СМЫСЛ В ХУДОЖЕСТВЕННОМ ТЕКСТЕ

Связь стиля как отбора и комбинации языковых средств и смысла текста, остающегося невербализованным, проявляется в номинативных последовательностях, которые объединяют единицы стиля – средства разных уровней текстовой иерархии, и завершается в жанре художественного произведения.

Ключевые слова: *текст, номинативная последовательность, единицы стиля, смысл, концептуальное единство.*

Исследователи не подвергают сомнению тот факт, что художественный текст несет определенный смысл. В словаре О. Ахмановой способом обнаружения смысла назван подтекст – «внутренний, подразумеваемый, словесно не выраженный смысл текста» [1, с. 331]. Теоретически важное признание смыс-

ла «внутренним», «подразумеваемым» и «словесно не выраженным» оставляет открытым вопрос о том, как он формируется и доносится до читателя.

Возможность познания смысла текста видится на пути изучения стилистической организации художественного произведения. В.В. Колесов пишет: «Стиль есть способ осуществления, отличающийся совокупностью своих приемов и идеальных установок» [2, с. 424]. Чуть ниже он уточняет: «Функция смысла проявляется в стиле, который есть ее форма» [2, с. 424]. Соотнесение идеальных установок автора со стилевыми приемами их реализации обозначает направление анализа текста в поисках смысла. Поскольку художественный текст всегда реализуется в одной из своих жанровых форм и глубинная связь смысла и формы произведения является его онтологическим свойством, то стилевые приемы во многом обусловлены жанром художественного текста.

Уточним термины. Выражение «идеальные установки» может быть понято и как мировоззренческая позиция автора, и как ракурс, в котором эта позиция представлена в конкретном тексте. Термин «смысл» тоже многозначен, ибо с его помощью обозначается и смысл целого текста, и смысл конкретного элемента текста. В силу этого идеальные установки автора, обуславливающие смысл конкретного текста, мы будем называть «концептуальным единством» текста, а термин «смысл» оставим для анализа элементов концептуального единства, или смысловой сферы текста.

Стилевые приемы, обнаруживающие идеальные установки автора, выступают способом их воплощения в средствах языка и формах построения текста как произведения. Спектр стилевых приемов, с одной стороны, тесно связан с жанровой формой произведения, с другой – во многом индивидуален для автора. Например, А. Платонов в рассказе «Третий сын», отражая атеистические настроения времени (1936), описывает человека как механизм [3]; Д. Самойлов, создавая образ Пушкина в стихотворении «Пестель, поэт и Анна» (1965), использует неточные цитаты из произведений поэта [4]; у И.А. Бунина в рассказе-притче «Темные аллеи» (1938) все, что отделено от героя социально – и предметы, и люди, – получает номинацию в лексемах, не принадлежащих литературной речи, и в сравнениях, которые автор не использует по отношению к людям своего круга и т.д. [5].